

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

ЛЮДИ КАК БОГИ



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
У98

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с английского *С. Рюмина*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Уэллс, Герберт.
У98 Люди как боги : [роман] / Герберт Уэллс ;
[перевод с английского С. Рюмина]. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-157750-6

Идеальный мир. Нет злобы, нет зависти, нет лжи, нет даже опасных животных. Всеобщая гармония и процветание. Утопия. Мир, где люди как боги: умные, прекрасные, сильные...

Но что будет, если в этот мир попадут люди из XX века? С их корыстью, злобой, жадностью и стремлением к власти? Найдется ли среди них хоть один человек, способный понять Утопию и не разрушить ее?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44



Школа перевода В. Баканова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Посвящается Флоренс Ламонт,
чей дом в Энглвуде стал местом,
где этому роману придумали название*

Книга первая

ВТОРЖЕНИЕ ЗЕМЛЯН

Глава 1

Мистер Коттедж уходит в отпуск

1

Мистер Коттедж срочно нуждался в отпуске, но поехать было некуда и не с кем. Он вконец заработался. Домашний быт ему тоже надоел.

Будучи от природы очень привязчивым, он любил свою семью настолько, что изучил ее наизусть, поэтому, когда ему случалось хандрить, семейное окружение вызывало у него острое ощущение скуки. Трое сыновей подрастали и, казалось, становились с каждым днем все выше и голенастее. Они занимали любимые кресла отца, донимали его, тренькая на пианоле, наполняли дом хриплым, раскатистым гоготом, смеясь над анекдотами, от которых у родителей покраснели бы уши, мешали невинному флирту, составлявшему одно из главных развлечений мистера Коттеджа в этой тоскливой юдоли, обыгрывали его в теннис, дурачась, возились на лестничных площадках и с жутким грохотом скатывались по двое и по трое вниз по ступеням. Их шляпы валялись буквально повсюду. Они опаздывали к завтраку. Каждый вечер

ложились спать под дикие вопли: «Хо-хо-хо! Бум!» — что матери, как видно, доставляло удовольствие. Семейство стоило немалых денег и беспечно не брало в голову тот факт, что доходы мистера Коттеджа не могли угнаться за ростом всего на свете. А когда он произносил за столом постные истины о мистере Ллойд Джордже или делал малейшую попытку поднять уровень застольной беседы выше глупой перепалки, сыновья напускали на себя рассеянный вид.

Мистер Коттедж страстно желал уехать от семьи куда-нибудь подальше, где можно думать о родных с тихой гордостью и нежностью, лишь бы их самих не было рядом.

А еще ему хотелось на время уехать от мистера Стона. Его терзал один вид улиц, он жаждал никогда в жизни больше не видеть газет или газетных афиш. Его угнетали дурные предчувствия финансово-экономического краха, в сравнении с которым недавняя мировая война представлялась случайным недоразумением. Все это объяснялось тем, что он был заместителем и помощником по общим поручениям редактора «Либерала», хорошо известного органа печати, принадлежавшего депрессивному направлению прогрессивной мысли. Еще одной причиной был все больше отравлявший душу, стойкий пессимизм его шефа мистера Стона. Раньше еще кое-как удавалось противостоять мистеру Стону, украдкой отпуская шуточки насчет мрачного вида начальника в разговоре с другими сотрудниками, но других сотрудников больше не было — в порыве финансового отчаяния мистер Стон всех их сократил. Теперь статьи для «Либерала» регулярно писали только мистер Коттедж и сам мистер Стон. А следовательно, мистер

Стон мог обращаться с мистером Коттеджем, как левая нога пожелает. Редактор, ссутулившись и засунув руки глубоко в карманы брюк, сидел в своем кресле и с мрачной миной разглагольствовал обо всем на свете, иногда не закрывая рта по два часа кряду. Мистер Коттедж от природы тяготел к сдержанному оптимизму и вере в прогресс, однако мистер Стон был твердо убежден, что вера в прогресс устарела по меньшей мере на шесть лет и что либерализму оставалось надеяться разве что на скорое наступление Судного дня. Закончив дайджест, который сотрудники, когда в редакции еще были сотрудники, называли «дать жесь», мистер Стон удалялся, предоставляя все прочие материалы очередного еженедельного номера заботам своего зама.

С мистером Стоном было трудно ужиться даже в обычные времена. Необычные же изобиловали малоприятными событиями, вполне оправдывавшими меланхолические предчувствия. Великий локаут в угольной отрасли продолжался уже месяц и, похоже, грозил Англии торговой катастрофой. Каждое утро поступали все новые сведения о бесчинствах в Ирландии, которые нельзя было ни простить, ни загладить. Затянувшаяся засуха угрожала видам на урожай по всему миру. Лига наций, от которой мистер Коттедж в великие дни правления президента Вильсона ожидал гигантских свершений, оказалась нагоняющим тоску, чванливым дутым пузырем. Повсюду происходили конфликты, повсюду правил абсурд. Семь восьмых мира все больше скатывались к хроническому беспорядку и социальному разложению. Сохранять оптимизм перед лицом фактов было бы трудно и без мистера Стона.

Организм мистера Коттеджа действительно почти перестал вырабатывать надежду, а ведь для таких, как он, надежда была важным сольвентом, без которого жизнь камнем застревает в желудке. Он всегда уповал на либерализм и его бескорыстные устремления, однако теперь начинал думать, что либерализм навеки обречен сидеть, ссутулившись и засунув руки в карманы, брюзжать и бурчать о деятельности менее благородных, но более энергичных людей, сумбурной деятельности, которая неминуемо погубит весь мир.

Дни и ночи напролет мистер Коттедж переживал за судьбы мира. Ночами даже больше, чем днем, потому как мысли отгоняли сон. Его преследовало жуткое вожделение выпустить номер «Либерала» самолично, переписать его после того, как мистер Стон уйдет домой, выкинуть всю неудобоваримую дрянь, жалкие, пустые придирки то к одному, то к другому изъяну, злорадство по поводу зверств и несчастий, утрирование простых, естественных человеческих промахов мистера Ллойд Джорджа, апелляции к лорду Грею, лорду Роберту Сесилу, лорду Лансдауну, папе, королеве Анне, императору Фредерику Барбароссе (адресат менялся каждую неделю), восстать, стать рупором и душой юных устремлений возрожденного мира, выбросить все и наполнить весь номер Утопией! Сказать изумленным читателям «Либерала»: вот что нужно делать! Вот как мы поступим!.. Какой это будет удар для мистера Стона в тихое воскресное утро! Может быть, от удивления он в кои-то веки перестанет исходить желчью и нормально переварит завтрак.

Увы, все это были лишь глупые фантазии. Дома ждали три молодых отпрыска рода Коттедгов, кому

он был обязан обеспечить достойный старт в жизни. И какой бы сладкой ни была мечта, мистер Коттедж не питал иллюзий: для ее осуществления ему не доставало ума и ловкости. Он бы обязательно все испортил.

Не угодить бы из огня да в полымя. «Либерал» — газета унылая, вгоняющая в сплин, мелочная, но не подленькая и не злобная.

И все же во избежание подобного катастрофического срыва мистериу Коттеджу срочно требовалось на некоторое время отдохнуть от общества мистера Стона. Он и без того уже раз или два осмелился переречь шефу. Так и до ссоры недалеко. Естественно, первым шагом к желанному отдыху от мистера Стона должен стать визит к врачу. И мистер Коттедж его нанес.

— У меня нервы шалют, — признался мистер Коттедж. — Я чувствую себя как последний неврастеник.

— Вы страдаете неврастенией? — спросил врач.

— Моя работа мне обрыдла.

— Вам нужен отпуск.

— Думаете, смена обстановки мне поможет?

— Да, и как можно более радикальная.

— А вы не могли бы посоветовать, куда поехать?

— А куда вы хотели бы?

— Ничего не приходит в голову. Я думал, что вы подскажете.

— Какое место приглянется, туда и поезжайте. А до тех пор не насилуйте свои симпатии.

Мистер Коттедж заплатил врачу гинею и, вооружившись его инструкциями, приготовился объявить мистериу Стону о своем недомогании и необходимости отдыха, как только представится удобный случай.

Некоторое время планы на отпуск лишь добавляли веса и без того тяжкому бремени забот, лежащему на плечах мистера Коттеджа. Решение куда-нибудь уехать поставило перед ним три неразрешимые проблемы: каким образом, как далеко и — потому как мистер Коттедж был одним из тех людей, кому быстро надоедала любая компания, — с кем. К выражению откровенного уныния на лице мистера Коттеджа, ставшему в последнее время привычным, незаметно примешался яркий лучик вороватой хитрецы. Впрочем, кто и когда обращал внимание на выражение лица мистера Коттеджа?

Кое-что он понимал со всей ясностью: дома об отпуске нельзя даже заикнуться. Стоило миссис Коттедж что-то пронюхать, как случилось бы то, в чем он не сомневался: она немедленно с умелой заботой взяла бы все это дело в свои руки. «Ты должен отдохнуть *как следует*», — скажет она. Выберет неблизкий и недешевый пансион в Корнуолле, Шотландии или Бретани, купит кучу нарядов, постоянно что-то будет вспоминать в последний момент, и багаж под конец обрстет массой неудобных котомок. Да еще потащит за собой мальчишек. Жена, вероятно, предложит одной-двум группам знакомых приехать туда же, «чтобы было повеселее». А если те согласятся, то не преминут захватить с собой худшие стороны своего характера и окажутся несносными занудами. Пустые разговоры, вымученный смех, бесконечные настольные игры... Нет уж!

Однако как можно уехать в отпуск, чтобы жена ничего не заподозрила? Как незаметно упаковать чемодан и вынести из дому?

С точки зрения мистера Коттеджа, самая обнадеживающая сторона его положения заключалась в том, что он был владельцем маленького автомобиля. Понятно, что машине в его тайных планах отводилась важная роль. Автомобиль представлялся самым удобным средством побега, а ответ на вопрос «как далеко?» превращал конкретный, фиксированный географический пункт в то, что математики, кажется, называют геометрическим местом точек. К тому же некомпанейская натура маленькой бестии в меньшей, но ощутимой степени также отвечала на вопрос «с кем?». Машина была рассчитана на двоих. Членам семьи она была известна под именами «ванночка», «горчица» и «желтая угроза». Как следует из названий, это был низкий, открытый родстер ядовито-желтого цвета. Мистер Коттедж ездил в нем из Сиденхема на работу, благо расход бензина составлял один галлон на тридцать три мили, что обходилось намного дешевле сезонного билета. Днем машина стояла во дворе под окнами редакции, а в Сиденхеме ночевала в гараже, ключ от которого имелся только у мистера Коттеджа. До сих пор ему удавалось не допустить, чтобы на ней гоняли сыновья. Иногда миссис Коттедж просила отвезти ее в Сиденхем за покупками, однако супруга недолюбливала малышку за плохую защиту от непогоды, пыль и растрепанные прически. По причине тех возможностей, которые автомобиль давал, и тех, которые отнимал, маленький родстер явно напрашивался на роль транспортного средства для заслуженного отпуска. К тому же мистер Коттедж очень любил им управлять. Водил он плохо, но очень осторожно. Хотя временами останавливалась и не желала заводиться, машина не при-

чиняла тех неудобств, какие в жизни мистера Коттеджа причиняло многое другое. Например, машина не ехала на восток, когда он поворачивал на запад. Одно это доставляло мистеру Коттеджу приятное ощущение хозяина положения.

В конце концов, решение пришлось принимать в невероятной спешке. Неожиданно предоставилась удобная возможность. По четвергам он работал в типографии, и вечером в четверг пришел домой совершенно измотанным. Погода, как нарочно, стояла сухая и жаркая. Мысль, что засуха повлечет за собой голод и нищету для половины мира, не улучшала настроение. В Лондоне между тем было в разгаре лето, город сверкал и улыбался. Беспечностью он, пожалуй, превосходил 1913 год, великий год танго, который мистер Коттедж впоследствии назвал про себя самым беспечным годом мировой истории. «Стар» сообщала обычные дурные новости, оттесненные с первых полос спортом и светскими слухами. Продолжалась война русских с поляками, войны шли в Ирландии, Малой Азии, на индийской границе и на Дальнем Востоке. Произошло три новых жутких убийства. По-прежнему бастовали шахтеры, назревала угроза еще одной крупной забастовки в машиностроительной отрасли. В пригородном поезде все сидячие места были заняты, вдобавок поезд опоздал на двадцать минут.

Дома мистер Коттедж обнаружил записку от жены: ее двоюродные сестры прислали из Уимблдона телеграмму, в которой сообщили о неожиданно представившейся возможности посмотреть теннисный матч с участием мадемуазель Ленглен и других звезд, и она уехала, прихватив с собой сыновей; предупредила, что

вернется поздно. Для развития собственных навыков мальчикам очень пойдет на пользу посмотреть, как играют в теннис профессионалы. К тому же у слуг в этот вечер был отгул. Ведь муженек не против в кои-то веки побыть дома один? Слуги оставят для него на ужин холодные закуски.

Мистер Коттедж прочел записку жены с чувством покорности судьбе. За ужином он прочитал памфлет, присланный знакомым китайцем, доказывавший, что японцы намеренно уничтожают в Китае все остатки цивилизации и грамотности.

И только после ужина, когда он уселся с курительной трубкой в заднем дворике, до него вдруг дошло, какие широкие возможности открывает перед ним неожиданное отсутствие семьи.

Его внезапно охватила лихорадочная активность. Он позвонил мистеру Стону, сообщил шефу о заключении врача, заверил, что его отъезд не скажется на состоянии дел в «Либерале», и получил разрешение взять отпуск. В спальне упаковал наскоро собранные вещи в старый саквояж, которого сразу не хватятся, и засунул его в багажник автомобиля. После этого потратил некоторое время на письмо, адресованное жене, и аккуратно спрятал его в нагрудный карман.

Заперев гараж, мистер Коттедж спокойно уселся в садовый шезлонг с трубкой и добротной, глубокомысленной книгой «Банкротство Европы», чтобы иметь, когда вернется семья, как можно более невинный вид.

Вернувшейся жене он словно невзначай сообщил, что у него есть подозрение на неврастению и что он договорился о визите к врачу завтрашним утром.

Миссис Коттедж хотела сама выбрать доктора для мужа, но он отговорился тем, что ему надо считаться с мнением мистера Стона, пожелавшего, чтобы его зам записался именно к тому врачу, у кого консультировался он сам. А когда миссис Коттедж сказала, что им *всем* нужен хороший отпуск, он попросту буркнул в ответ нечто нечленораздельное.

Таким образом он сумел выбраться из дому, прихватив вещи, необходимые для пары недель отпуска, и не встретив непреодолимого сопротивления. На следующее утро он направился в сторону Лондона. Машины катили по шоссе веселой гурьбой, не создавая больших препятствий, и «желтая угроза» бежала с такой легкостью, что заслуживала названия «золотая надежда». В Камберуэлле мистер Коттедж свернул на Камберуэлл-Нью-роуд и подъехал к почтамту на гребне Воксхолл-бридж-роуд. Здесь он сделал остановку. Одновременно страшась и радуясь собственной смелости, он вошел в здание почтамта и отправил жене телеграмму:

«Д-р Поганиус сообщил что мне немедленно требуются уединение и отдых еду для восстановления сил в район озер я это подозревал вещи захватил подробности письмом».

Выйдя на улицу, мистер Коттедж сунул руку в карман, достал письмо, которое с таким тщанием написал прошлым вечером, и опустил его в ящик. Письмо было нарочно написано каракулями, создающими впечатление наличия у автора запущенной неврастения. Доктор Поганиус, объяснялось в нем, распорядился, чтобы мистер Коттедж немедленно взял отпуск

и «проехался на север». Лучше всего, сказал врач, не писать писем несколько дней, а то и неделю. Поэтому он не будет писать, разве только в крайнем случае. Отсутствие дурных вестей само по себе добрая весть. Волноваться не о чем, все будет хорошо. Он телеграфирует адрес, как только где-нибудь остановится, однако тревожить его письмами следует только в экстренных случаях.

После этого мистер Коттедж сел за руль с таким ощущением свободы, какого не испытывал со времен первых каникул в первом классе школы. Он повел машину к Грейт-Норт-роуд, но попал в затор на углу Гайд-парка и, подчиняясь жестам регулировщика, повернул в сторону Найтсбриджа. На развилке, где Бат-роуд отходит от Оксфорд-роуд, неповоротливый фургон заставил его свернуть в направлении Бата. Какая разница? Любая дорога куда-нибудь да ведет, повернуть на север никогда не поздно.

3

Стоял улыбчивый солнечный день, типичный для великой засухи 1921 года. Тем не менее духота совершенно не ощущалась, наоборот: воздух дышал свежестью, которая, соединяясь с бодростью мистера Коттеджа, убеждала, что его ожидают приятные приключения. К нему вернулась надежда. Он чувствовал, что отрывается от привычного мира, хотя пока еще не подозревал, насколько, в конце концов, от него отдалится. Остановиться в какой-нибудь гостинице и пообедать — чем не приключение? А если заскучает, то возьмет попутчика и наговорится всласть! Он мог подобрать любого встречного, главное — не